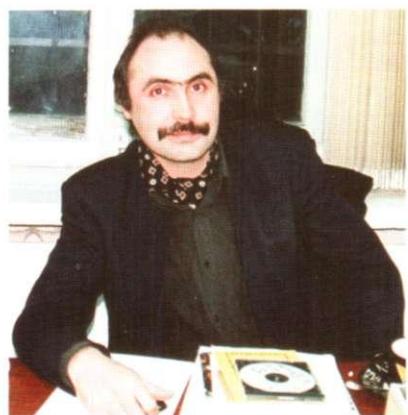

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Беседовала Вера Федорова

Судьба связала Станислава Айдиняна — представителя молодежи 70-х — с уникальным поколением интеллигенции, слава которого пришлась на самый беспокойный и самый блестящий период в истории России XX столетия — Серебряный век. Эту связь определило для Станислава знакомство с представительницей этого поколения и представительницей одной из самых знаменных семей начала века — Анастасией Ивановной Цветаевой, писательницей, автором замечательной книги "Воспоминания", сестрой Мариной Цветаевой. Девять лет — последние годы жизни Анастасии Ивановны — он был ее литературным секретарем и другом.

С. А. Айдинян в редакции
"Секретарь. RU", 2004 г.

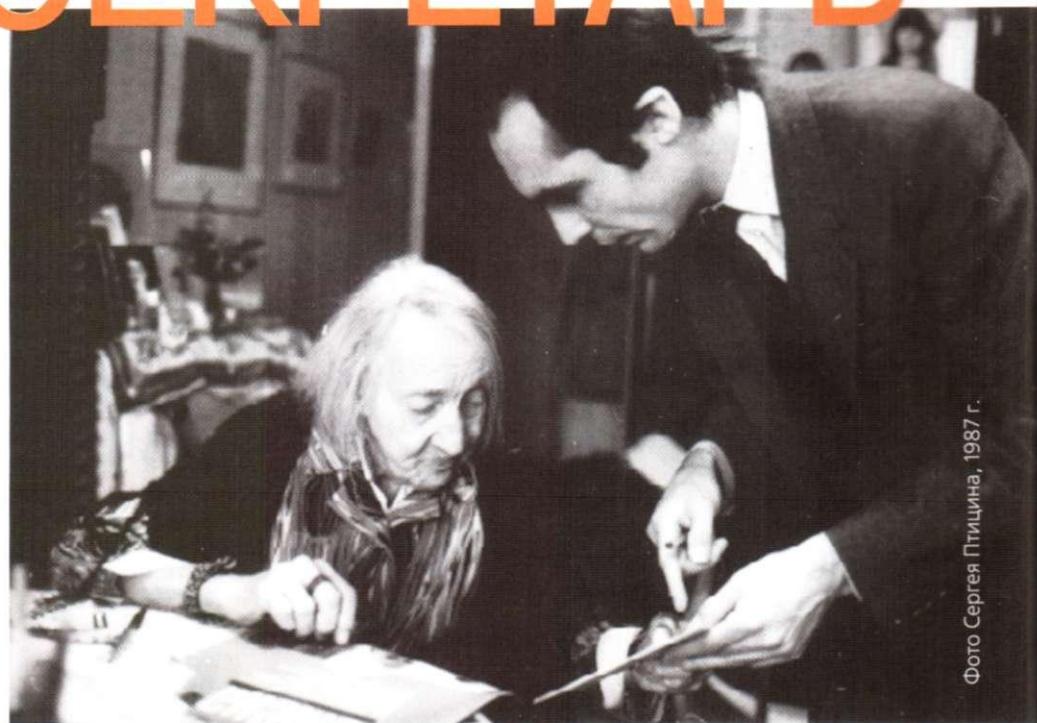

Фото Сергея Грицина, 1987 г.

"В первую же встречу мою со Станиславом Айдиняном, — писала Анастасия Цветаева в "Ночном эссе", — меня поразила вневозрастная зрелость этого молодого моего современника, и это впечатление вскоре перешло в отношение и оценку: в общении с ним настолько отсутствует ощущение возраста (присутствие которого, наоборот, есть постоянное сопутничество в моих беседах с людьми) — что оно с первого дня создало особую — как не назвать ее рабочей, ибо творческой, атмосферу, которая желанна и драгоценна, но почти для меня нереальная — потому что давно уже не встречалась моей человеческой и писательской старости, моему привычному старшинству — десятого десятка лет.

Это свойство Станислава, меня удивившее, через какой-нибудь час беседы вызывало в жизнь и непривычное восклицание:

— Вам двадцать шесть лет? Трудно поверить! Я бы, скорее, сказала сорок шесть.

Но в сорок шесть у вас, вероятно, будет длинная седая борода?.."

Мы попросили Станислава Айдиняна поделиться с нами воспоминаниями о своем "вневозрастном" общении с Анастасией Ивановной Цветаевой и рассказать о том, кто же такой литературный секретарь.

— По моим представлениям, литературный секретарь — это верный спутник писателя и в то же время человек, вынужденный всегда оставаться как бы в тени своего знаменитого патрона. Правда ли это?

— Мне в жизни довелось повстречаться с двумя литературными секретарями, которые сами по себе были и остаются творческими, замечательными людьми. Я говорю о Николае Леонтьеве, секретаре и хранителе литературного наследия известного поэта Рюрика Ивнева, и о Рене Гера, литературном секретаре русского прозаика первой волны эмиграции Бориса

Зайцева. Рене Гера — знаковая фигура. Он живет во Франции и владеет наиболее значимым в культурном отношении собранием рукописей Бунина, Цветаевой, Мережковского, Одоевцевой, а также уникальной коллекцией картин русских художников.

— В чем же заключалась ваша миссия при Анастасии Цветаевой?

— Литературный секретарь — это совершенно особенная профессия. Ты становишься как бы скромным саторцом писателя, если ты, конечно, настоящий литературный секретарь. Если взять обычную миссию секретаря при писателе, то он должен разбираться в рукописях, ездить по издательствам, помогать своему другу-писателю заключать договоры, следить за тем, чтобы рукопись дошла до издательства. И еще он должен прекрасно чувствовать и понимать стиль этого писателя. Я, например, был не только литературным секретарем Анастасии Ивановны, но и редактором. Она создавала свои рукописи у меня на глазах, и я должен был редакторски их прорабатывать. Например, я участвовал в авторской редакции романа "Амор", который начал писаться в лагере и в ссылке, а затем переписывался и перерабатывался. Она даже завещала мне его, так как не была уверена в том, что его удастся издать при жизни. Однако потом необходимость в этом завещании отпала, так как он все-таки был издан. Мы работали с ней над книгой "Непостижимые", фрагменты которой были опубликованы ранее в журнале "Юность" под названием "Сибирские рассказы". После той

публикации было огромное количество писем. Когда у нее значительно ослабло зрение, в мои обязанности вошло выбирать из корреспонденции самые значительные письма, читать их ей, а она, как правило, сама отвечала на них.

Мне приходилось выполнять ее поручения, выступать от ее имени на различных событийных мероприятиях, например, таких, как открытие памятного камня

М. Цветаевой в Тарусе. Еще литературному секретарю, как мне кажется, следует знать биографию писателя, тем более такого автобиографического писателя, как Анастасия Ивановна. Я должен был знать и многие тайны ее семьи.

— Зачем?

— Это был ее выбор. Она хотела, чтобы я знал. Нельзя быть секретарем и не быть при этом другом, поверенным.

— А как вы познакомились с Анастасией Ивановной?

— Наше знакомство было связано с темой моих литера-

туроведческих исследований. Я окончил в 1981 году Ереванский государственный университет, который тогда был гораздо либеральнее, чем Московский, то есть там давали не такое политизированное образование, и вернулся в Москву в 1983 году. Тогда я занимался творчеством Анатолия Виноградова. Старшему поколению это имя прекрасно известно — он автор биографических романов о Стендаль ("Три цвета времени"), о Паганини. Это был человек яркий, неоднозначный во многих отношениях. Анастасия Ивановна тоже интересовалась его судьбой. Я послал ей письмо, а она ответила мне двумя письмами, очень тепло отнеслась к моему интересу. Встретившись, мы сразу как-то почувствовали, что нужны друг другу. И я стал с ней работать чуть ли не с первой встречи.

— Вы это делали на добровольных началах?

— На первых порах — да. Получилось так, что сначала, скорее, я помогал ей. Я был сыном народного артиста, а она получала очень маленькую пенсию. Она всегда жила очень скромно. А нам полагались какие-то закрытые заказы, и мы делились тем, чем могли. А потом пришло время, когда мой отец перестал гастролировать, а ее стали широко печатать, и меня поддерживала уже та зарплата, которую она мне платила. Я официально стал ее литературным секретарем, с занесением этой должности в трудовую книжку. Мне было назначено сто рублей в качестве оплаты. Это были приличные деньги, правда вскоре — в 90-е годы — они превратились в ничто. Но я человек вообще непрятательный, пото-

му что, как и Анастасия Ивановна, привык жить минимумом.

Мы проработали с ней девять лет, с 84 года до самой ее смерти. Она умерла, когда ей было почти 98 лет. Мне кажется, что причиной ее смерти послужил не возраст, а душевный слом. За несколько месяцев до того умер ее сын Андрей Борисович Трухачев, и вот тогда она стала клониться долу. До смер-

ти сына ничто не предвещало ее кончины — она была бодра, она выезжала, наносила визиты друзьям. Кстати, в мои добровольные обязанности входило сопровождать ее. Когда мы ездили к значительным лицам, я мог присутствовать, слушать и оценивать это как бы со стороны. Присутствовал, например, при общении Анастасии Ивановны с Ириной Владимировной Одоевцевой, известной мемуаристкой, которая приехала сюда из Франции. Я был свидетелем этих интереснейших встреч, общения людей уникального поколения: за

Ольга Мещерская, правнучка А. И. Цветаевой,
в квартире писательницы на Большой Спасской

девяносто было Одоевцевой, за девяносто было Цветаевой. Когда Анастасия Ивановна вышла, Одоевцева мне сказала: "Я думала: ну, сестра Марина... А она же личность!" Я присутствовал при встречах с Риной Зеленою. С ней мы даже подружились. Когда к Рине Зеленою кто-нибудь приходил в гости, она говорила: "Зайдите, зайдите, но ничего не украдите", а потом признавалась, что нападает от робости.

Это было, все же, совершенно особенное поколение. Я как-то напомнил Анастасии Ивановне один случай. У нее была гимназическая подруга — Галия Дьяконова, более известная под именем Гали. Я сказал: "Помните, было такое сообщение по радио о том, как ваша подружка Гали вместе со своим мужем Сальвадором Дали привели на площадь Звезды слона. Привязали его, а сами пошли пить кофе". Анастасия Ивановна гордо вздернула плечами и ответила: "Я бы увела слона!" Вот в этом была Цветаева, в этом был ее характер!

— Как проходила ваша совместная работа?

— Вы знаете, она была поразительно работоспособна. Часок-два поспит днем, а потом снова за работу, до ночи и за полночь. Однажды она отыходила, а я разложил на полу рукописи — там было множество экземпляров, напечатанных под копирку. Она встала (за занавесочкой у нее была кровать), я смотрю: раз, она перепрыгнула через эти рукописи, а потом обернулась ко мне и говорит: "Я люблю легкую сумасшедшинку". Вот какой она была веселый человек!

Вместе мы работали над книгой "О чудесах и чудесном", которая создавалась по совету отца Виктора Мамонтова, священника. Там рассказывалось о чудесах в семье Цветаевых. Мне приходилось видеть такое чудо — и это была сама Анастасия Ивановна. В своем возрасте она была настолько молодой, настолько гибкой, что, допустим, у меня падала ручка — она могла ее на лету схватить. Под роялем у нее стоял ящик с фотографиями и ящик с рукописями — так вот, она легко туда ныряла, когда надо было что-то достать. Пела голубям песенки, выступала мелодию по стеклу, а потом крошила им хлеб в то время, пока я

2

3

Фото А. И. Цветаевой, 60-е гг., публикуются впервые.

1, 2 — В окрестностях Тарусы.
3 — В доме М. Волошина, Коктебель. В центре — вдова поэта, М. С. Волошина

читал ей Евангелие — это тоже была одна из моих обязанностей.

Как правило, я приходил не раньше часа дня, мы работали, а расставались за час ночи. И так как она была очень религиозным человеком, всегда крестила меня на дорогу — для нее это был очень важный ритуал. Расскажу об одном случае: когда к ней в гости явилась Виктория Швейцер, литераторовед, опубликовавшая когда-то в Париже несправедливые обвинения в адрес Анастасии Ивановны, Анастасия Ивановна приняла ее холодно, а мне потом сказала: "Я ее приняла. Но я ее не прекрестила". Это была высшая степень цветаевского отвержения. Когда я приходил домой, раздавался звонок телефона и ее голос: "Стасенька, вы уже пришли? Ну, слава Богу, я за вас молилась". У нас были очень дружеские отношения. Она, конечно, могла быть требовательной, но эта требовательность в отношении меня никогда не была агрессивной. У нее была внутренняя благожелательность к людям, она вообще была ко всему свету расположена. Вот только дешевого панибратства не терпела. В ней сочеталась такая человеческая легкость — с одной стороны, с другой — дворянская основательность. Все-таки, она была дворянка, и это было видно, например, по огромному богатству ее речи.

— Наверное, это была семейная черта.

— Думают, что она просто подражала сестре. Ничего подобного — на самом деле, красноречие обе сестры — и Марина, и Анастасия — унаследовали от своей матери — Марии Александровны Мейн, а работоспособность и волевое начало от отца — Ивана Владимира Чехова, основателя Музея изящных искусств. Анастасия Ивановна никогда не скрывала, что они были тяжелыми детьми — в этом она в старости каялась. Но к 27 годам она стала очень религиозной. Дала обет никогда не врать. Могла что-то утаивать, о чем-то умалчивать, но я знал, что она никогда не будет говорить неправду.

— В пору вашего знакомства Анастасия Ивановна была уже очень пожилым человеком. Кто

помогал ей по хозяйству, кто вел ее дом? Не участвовали ли вы в этом каким-то образом?

— Была Доброслава Анастасьевна Донская — она приходила, помогала, пекла пирожки, приносила что-то. Была еще одна женщина, Ирина Карташевская, которая приходила, помогала Анастасии Ивановне испытаться — все это было на дружеской, бесплатной основе. А так, она сама вела хозяйство, у нее все было очень талантливо, она меня кормила — готовила удивительно вкусные салаты. Я плохой кулинар, и Анастасия Ивановна никогда не допустила бы меня на кухню. Вы представляете, что такое для дореволюционной дамы — заставить мужчину готовить?! Для нее это было совершенно невозможно. Многие вещи она воспринимала дореволюционно. Для нее было мало приемлемо, если человек, еще не выйдя за порог, надевал шляпу. До революции это было не принято. Она говорила, например: "Сейчас дамы трясут своими накоплениями, а в наше время они были в корсетах". Вот такие стариныные представления у нее были. Нет, я сам не готовил, но я мог что-то принести. Допустим, просила купить по дороге хлеба или еще чего-нибудь.

— Вам не приходилось переписывать ее рукописи, перепечатывать?

— Конечно, приходилось. В основном, маленькие вещи. Брал рукописи и печатал их на машинке у себя дома.

— Не пришлось ли специально обучаться машинописи?

— Зачем? Я с 13-ти лет писала. У нас дома была печатная машинка "Эрика Дрезден", которую отец привез с какой-то немецкой выставки. Я печатала для Анастасии Ивановны, но я не был машинисткой при ней. В основном, моя обязанность была, конечно, — редактура. У нее был блестящий лексикон Серебряного века и при этом очень длинные фразы, рондо — она как бы была переполнена словом.

Марина и Анастасия Цветаевы

А. И. Цветаева и С. Айдинян в Коктебеле, 1985 г.
Фото Б. Панченко, публикуется впервые

Коктебель, 1985 г.
Фото Б. Панченко

И вот мне приходилось выпрямлять эти длинные и сложные периоды, с ее согласия. Я потом все прочитывал — с чем-то соглашалась, с чем-то нет.

Я с ней занимался ее литературной деятельностью, я знал, что где лежит — если срочно нужна была какая-то рукопись, я знал, где ее достать. Я знал содержание. Знал стилистику. Некоторые тексты, над которыми мы работали, не изданы до сих пор. Уже незадолго до смерти она написала основательнице Дома-музея Марины Цветаевой в Москве Н. И. Катаевой-Лыткиной письмо, где было написано: "Дорогая Надя! Мне некогда написать нотариальное завещание, пусть это будет — вместо...". В письме было несколько пунктов: чтобы ее похоронили на Ваганьковском кладбище в могиле ее деда, Александра Даниловича Мейна (это было исполнено), и потом — "Разбор моего архива хочу — как и печатание моего после меня — чтобы мой сын Андрей делал это только вместе с моим литературным секретарем Айдиняном Станиславом Артуровичем. Только он знает мое творчество и сумеет продолжать, перепечатывать мое — после меня".

— И вы сейчас исполняете ее завещание?

— Конечно, я занимаюсь еще и другой деятельностью: я искусствовед, мне приходится зарабатывать на жизнь далеко не только литературой. Работаю директором культурных программ в отеле "Космос" в компании "Спейс" — мы делаем художественные выставки. Одновременно я научный сотрудник Литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых в Александрове. Но я периодически возвращаюсь к творчеству Анастасии Ивановны и публикую ее. Я занимался этим при ее жизни и продолжаю заниматься после ее смерти. Кроме того, я создал путеводитель по первым двум ее книгам, то есть тотальный комментарий — кто есть кто, кто скрывается под литерами. У меня есть неопубликованная хроника жизни Анастасии Ивановны — "Хронологический обзор жизни и творчества", насчитывающий около 190 компьютерных страниц. Она должна была выйти в юбилейном сборнике, посвященном памяти Анастасии Ивановны, но этого не случилось. Обзор, конечно, не может претендовать на полноту, потому что жизнь такого человека как Анастасия Цветаева — неисчерпаема.